

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

УДК 343.13

DOI: 10.17223/22253513/26/1

А.М. Баранов, М.А. Баранов, В.Ф. Луговик

ВЛИЯНИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ НА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ЗАКОН

Работа посвящена влиянию научных теорий уголовного процесса, оперативно-розыскной деятельности и правоприменительной практики на содержание уголовно-процессуального закона. Предпринята попытка проследить изменение уголовно-процессуального закона в зависимости от развития теорий собирания доказательств, следственных действий, использования результатов ОРД, а также практики уголовного судопроизводства со второй половины XIX в. по сегодняшний период.

Ключевые слова: теория, практика, уголовно-процессуальный закон.

Что оказывает большее влияние на форму и содержание закона? Правовые теории или практика применения? При первом взгляде на развитие отечественного законодательства, в том числе и уголовно-процессуального, за последние три десятилетия складывается впечатление, что ответ лежит на поверхности – это теория. В то же время достаточно вспомнить историю появления ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ о недопустимости применения заключения под стражу в качестве меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 159–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 УК РФ, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, и ч. 1.1 ст. 110 УПК РФ об обязанности изменения на более мягкую меру пресечения в виде заключения под стражу при выявлении у подозреваемого или обвиняемого тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей, или решения Конституционного Суда России о соответствии норм уголовно-процессуального закона Конституции РФ, и вывод о приоритетном влиянии практики на закон становится очевидным.

Одной из межотраслевых проблем современного права, обозначившихся с началом судебной реформы после 1991 г., является вопрос о способах собирания доказательств в досудебном производстве, на более частном уровне – об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в уголовно-процессуальном доказывании. В 1992 г. при придании оперативно-розыскной деятельности законодательного регулирования негласные способы собирания доказательств нашли закрепление в рамках иной, не уголовно-процессуальной деятельности, а сведения, полученные в результате ее осуществления, должны были использоваться в уголовном процессе.

Проблема использования результатов негласных способов собирания доказательств в доказывании и по сей день не разрешается по причинам невозможности назвать источник получения сведений в ходе производства ОРМ и того, что порядок производства ОРМ регулируется не УПК, а иным законом. Уголовное судопроизводство в силу консерватизма и своей уязвимости относится с недоверием к сведениям, установленным в рамках иной деятельности. Изменения в Закон об ОРД (ст. 10, 11), принятые в 1995 г., не смогли снять этого противоречия.

Действующее законодательство породило различные теории от полного непринятия результатов ОРД до самого широкого использования в уголовном судопроизводстве. Проблеме использования результатов ОРД в доказывании посвящены работы В.А. Азарова, Д.И. Беднякова, Е.А. Доли, В.И. Зажицкого, А.В. Земсковой, В.К. Зникина, В.В. Кальницкого, В.В. Николюка, М.П. Полякова, А.А. Чувилева, Н.С. Железняк, В.Ф. Луговика и многих других. Принято значительное количество решений Конституционного Суда по проблемам обеспечения прав личности при производстве оперативно-розыскных мероприятий; доступа к сведениям, полученным в результате проведенных мероприятий в отношении лица; о пределах и порядке судебного контроля за ОРД и др. При всем различии проблем правоприменения и правового регулирования, порожденных законом об ОРД и предложенных теорий по их разрешению, нельзя не заметить важнейшее обстоятельство, объединяющее все теории, – это «опроцессуаливание ОРД».

Ярчайшими свидетельствами этого являются предложения Е.А. Доли [1. С. 7] и А.Ю. Шумилова [2. С. 206–207] ввести понятия «оперативное доказывание», «оперативное доказательство» и «оперативный процесс». Путь детализации, формализации, «опроцессуаливания» оперативно-розыскной деятельности только усложняет, но не решает в принципе проблемы использования ее результатов в уголовном судопроизводстве. По справедливому замечанию М.П. Полякова, научная мысль в данном вопросе не всегда рвется вперед, а гораздо чаще «ходит по кругу» [3. С. 135–136].

При сравнительном анализе гл. 23–27 УПК и ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) обнаружим сходство в названии и в сущности ряда следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). В ст. 7–9 Закона об ОРД законодатель сформулировал основания, условия производства оперативно-розыскных мероприятий, порядок получения судебного разрешения и частично процедуру производства ряда мероприятий. Положения рассмотренных норм перекликаются с содержанием ст. 164–165 УПК, регулирующих общие правила производства следственных действий. Отсутствие обязательности протоколирования ОРМ выступает существенным отличием от следственных действий (ст. 166).

Теоретическая концепция о невозможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств была сформулирована еще в советский период. Основанием для такого подхода служило то обстоятельство, что сведения, полученные в ходе ОРД, не отвечают свойству допустимости. УПК в ст. 74 не содержит прямого указания на такой ис-

точник получения доказательств, как данные (результаты) ОРД, и не устанавливает порядок их собирания.

На разрешение проблемы использования результатов ОРД (ОРМ) в доказывании немаловажную роль играет устоявшаяся теория о способах собирания доказательств, к которым относят следственные действия как основное средство.

Согласно ч. 1 ст. 86 УПК РФ собирание доказательств возможно «путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом». Понятия следственных действий закон не содержит. В п. 32 ст. 5 УПК под процессуальным действием понимается «следственное, судебное или иное действие, предусмотренное настоящим Кодексом». Содержание закона таково, что не только не способствует пониманию, с помощью каких действий собираются доказательства, но, наоборот, еще больше запутывает правоприменителя. При формальном подходе получается, что собирание доказательств происходит при производстве любых процессуальных действий.

Учение о следственных действиях как способе собирания доказательств получило всеобщее распространение благодаря наукам криминалистики и уголовного процесса. Иные способы собирания доказательств всегда были производными по отношению к следственным действиям. Причина «игнорирования» иных способов собирания доказательств как в теории, так и на практике кроется в том, что закон в норме о видах доказательств выделяет протоколы следственных действий, а протоколы иных процессуальных действий к источникам доказательств не относит. Авторы учебников по уголовному процессу либо вообще не рассматривают иные способы собирания доказательств, либо только упоминают об их наличии [4. С. 57–96]. Учение об иных способах собирания доказательств достаточно слабо разработано и по сей день. Оно известно узкому кругу специалистов, но не получило широкого признания ни в теории, ни у практиков. В отличие от следственных действий для иных процессуальных способов собирания доказательств уголовно-процессуальный закон вообще не устанавливает порядка их производства. Это, как ни странно, становится причиной их крайне редкого применения на практике.

Как один из вариантов решения проблемы использования результатов ОРД в доказывании несколько лет назад была предложена идея о нормативном регулировании негласных способов собирания доказательств в УПК, придании им статуса процессуальных действий [5. С. 164–166; 6. С. 144–151.]. Существенное влияние на научные взгляды и правовое регулирование проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности (сыска) в доказывании (при производстве дознания и следствия) оказала реализованная в УПК Грузии, Украины, Казахстана идея о негласных следственных действиях. Еще «вчера» казавшаяся абсурдной идея о нормативном регулировании негласных способов собирания доказательств в УПК и придании им статуса «негласных следственных» действий сегодня научным сообществом воспринимается как вполне достойная для обсуждения.

Порой для решения проблемы сегодняшнего дня необходимо заглянуть в прошлое. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. вообще не использовал

понятие следственных действий, не было известно оно и теории уголовного процесса XIX в. Использовались понятия «средства или источники доказательств» [7. С. 52], «источники для исследования преступлений» [8. С. 64], «виды доказательств» [9. С. 24–45]. В то же время Устав предусматривал производство осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, допроса, дознания через окольных людей. Кроме того, Устав в ст. 254, 255 [10. Т. 8. С. 145, 152–165] регулировал (используя современную терминологию) возможность осуществления полицией оперативно-розыскных действий. В соответствии со ст. 256 УУС полиция до прибытия следователя принимала меры, чтобы предупредить уничтожение следов преступления и пресечь возможность подозреваемому скрыться. Полиция в форме протоколов фиксировала обнаруженные следы преступления. Протоколы не имели доказательственного значения и служили лишь вспомогательным материалом для следователя. Теоретическим основанием такого различия между действиями следователя и полиции являлось противопоставление власти судебной и административной. Только протоколы, составленные следователем, могли прочитываться в суде, а установленные в них факты считаться доказательствами. Протоколы полиции такого значения не имели [11. С. 782]. Доказательства появлялись в результате деятельности суда и судебного следователя.

Казалось бы, высокие стандарты доказывания были установлены уже полтора столетия назад, так почему сегодня существует и не решается рассматриваемая проблема? Однако не все так просто. Кроме закона и теории, существует правоприменение, а оно в имперской России не было столь радужным и однозначным.

19 августа (1 сентября) 1906 г. по инициативе П.А. Столыпина было принято Положение Совета министров о военно-полевых судах для ускорения судопроизводства по делам о гражданских лицах и военнослужащих, обвиняемых в разбое, убийствах, грабеже, нападениях на военных, полицейских и должностных лиц и в других тяжких преступлениях, в тех случаях, когда за очевидностью преступления нет необходимости в дополнительном расследовании. За 1906–1907 гг. они были введены в 82 губерниях из 87, переведенных на военное положение или положение чрезвычайной охраны. Военно-полевой суд состоял из председателя и 4 членов суда, назначаемых из строевых офицеров начальником местного гарнизона (командиром порта) по приказу генерал-губернатора или главнокомандующего. Предварительное следствие не проводилось, вместо него использовались материалы охранного отделения или жандармского управления. Обвинительный акт заменялся приказом о предании суду. Судебное заседание проводилось без участия в нем прокурора (функцию которого перенимали судьи), защитника (обвиняемый должен был защищать себя сам) и без свидетелей защиты при закрытых дверях, при этом допускались допросы свидетелей со стороны обвинения (чаще всего в их роли выступали чины полиции). Приговор должен был выноситься не позже чем через 48 часов и в течение 24 часов приводиться в исполнение по распоряжению начальника гарнизона [12].

Таким образом, приговор постановялся несудебным органом и, выражаясь современной терминологией, на материалах оперативно-розыскной деятельности.

Советский период на раннем своем этапе сохраняет преемственность как в теории, так и на уровне закона. УПК РСФСР 1923 г. в гл. 13–15 регулирует порядок производства осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, допроса свидетелей и экспертов. В ст. 58 перечисляются виды доказательств, в ст. 57 в качестве субъекта доказывания называется суд.

Первое учебное издание советского периода по уголовному процессу, которое обнаруживаем, – Уголовный процесс М.С. Строговича (М., 1938). Очень показательно. Тому, кто хоть немного знаком с историей России этого периода, нет необходимости напоминать, под каким названием он вошел в историю. Так что же в теории? Раздела о следственных действиях нет. Такой термин вообще не употребляется. Описаны виды доказательств. Способы и субъекты доказывания не названы. Разъясняется, что оценка доказательств осуществляется судом [13. С. 81–82].

Что же касается правоприменения, то с первых лет Советской власти и до 1954 г. для уголовного судопроизводства характерно существование наряду с судом различных внесудебных органов.

Республиканские, краевые и областные тройки НКВД – внесудебные органы уголовного преследования, действовавшие в СССР в 1937–1938 гг. на уровне республики, края или области. Областная тройка состояла из начальника областного управления НКВД, секретаря обкома и прокурора области. Решения выносились тройкой заочно – по материалам дел, представляемым органами НКВД, среди которых были постановление об аресте, единый протокол обыска и ареста, протокол допроса арестованного, обвинительное заключение, на основании которых выносилось решение. Процедура рассмотрения дел была свободной, протоколов не велось [14].

Решением Политбюро ЦК ВКП(б) № П65/116 от 17 ноября 1938 г. судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а также тройки при областных, краевых и республиканских управлениях РК милиции были ликвидированы. Дела передавались на рассмотрение судов или Особого совещания при НКВД СССР.

Особое совещание (ОСО) – в СССР с 1922 по 1953 г.: «Особое совещание при ОГПУ» – «Особое совещание при НКВД СССР» – «Особое совещание при МГБ СССР» – было создано Постановлением ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 г. после упразднения Судебной коллегии ОГПУ и существовало до 1 сентября 1953 г. В состав Особого совещания входили: заместители наркома внутренних дел, уполномоченный НКВД по РСФСР, начальник Главного управления рабоче-крестьянской милиции, народный комиссар союзной республики, на территории которой возникло дело. Особое совещание не входило в судебную систему, но имело судебные полномочия. Приговоры выносились в упрощённом порядке. Рассмотрение дела проходило в отсутствие обвиняемого и без адвоката.

Постановлением СНК и ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. в Особое совещание было разрешено передавать только дела, которые не могли рассматриваться гласно по оперативным соображениям [15].

Итак, согласно действовавшему УПК 1923 г. и теории уголовного процесса результаты деятельности НКВД, ОГПУ и др. доказательств не порождали. Доказательства появлялись в результате судебной деятельности. Одна-

ко на уровне сознания правоприменителя в результате тридцатилетней практики не могло не сформироваться убеждения, что результаты расследования сотрудниками милиции, а тем более следователей, не образуют доказательств, поскольку результаты расследования одного и того же сотрудника могли стать предметом рассмотрения как суда, так и Особого совещания.

Немаловажную роль в этом вопросе сыграла судьба следственных органов. Начиная с 1917 г. институт следователей то упразднялся, то вновь возрождался, но практически сразу стал органом не судебной, а исполнительной власти и по своей правовой природе ничем не отличающимся от иных административных органов (милиции и др.).

Конец 50-х гг. прошлого столетия ознаменовался значительными социальными реформами, в том числе судебной. Реформа дала толчок новым правовым теориям и доктринам, зарождение которых произошло ранее, а незаконная практика доказывания в досудебном производстве требовала научного обоснования и законодательного закрепления. Как следствие этого в науке уголовного процесса получают мощное развитие теория доказательств и учение о следственных действиях как способе собирания доказательств. И уже в ст. 16, 17 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 25.12.1958 г. к субъектам доказывания наряду с судом будут отнесены органы дознания и следователь, а к видам доказательств – протоколы «следственных» действий [16].

И произошла революция. С этого времени результаты деятельности лица, производящего дознание (органа дознания, дознавателя), и другого должностного лица административного органа, названного следователем, осуществленные в досудебном производстве в порядке, предусмотренном УПК, стали доказательствами.

Напомним, что результаты деятельности полиции, осуществленные в соответствии с УУС, не образовывали доказательств, а по современной терминологии являлись «результатами ОРД».

Вот и замкнулся круг нашего исследования.

Можно, конечно, продолжать научные споры и изыскивать дополнительные аргументы в рамках теории о соотношении ОРД и уголовного процесса, ОРМ и следственных действий и принципиально не менять действующее законодательство по этому вопросу.

Возможен путь совершенствования теории негласных следственных действий и соответствующего изменения законодательства.

Возможен и третий путь. Какой?

Возврат к доктрине, согласно которой доказательства появляются только в результате деятельности суда. Результаты расследования, проведенного органами административной власти, доказательствами не являются. Доказательствами могут быть признаны результаты действий дознавателя, следователя после их исследования и оценки судом, в том числе и в досудебном производстве, когда они получены при производстве на основании судебного решения. Субъектом, в результате деятельности которого появляются доказательства, будет только суд. Правового регулирования в виде ч. 3 ст. 240 УПК РФ для формирования такого толкования закона и правоприменения недоста-

точно. Необходимо в ч. 1 ст. 74 УПК РФ и др. в качестве субъекта доказывания оставить только суд.

Что же будет с теориями следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, соотношений результатов ОРД и доказательств? Они не пропадут, хотя, конечно же, претерпят существенные изменения.

Литература

1. Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 1996. 111 с.
2. Шумилов А.Ю. Проблемы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в России. М., 1997. 218 с.
3. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности / под науч. ред. В.Т. Томина. Н. Новгород, 2001.
4. Уголовный процесс: учебник для вузов: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. 6-е изд. М.: Юрайт, 2017. 351 с.
5. Баранов А.М. Обеспечение законности в досудебном производстве по уголовным делам: Омск: Омская академия МВД России, 2006. 220 с.
6. Баранов А.М. Закон об ОРД: вчера, сегодня, завтра // Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности: матер. Всерос. науч.-практ. конф. Омск: Омская юридическая академия, 2012. С. 144–151.
7. Бариев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М., 2001. 240 с.
8. Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. М., 2001. 240 с.
9. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством. М., 2001. 92 с.
10. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1991. Т. 8. 496 с.
11. Чельцов-Бebutov М.А. Курс уголовно-процессуального права: очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. 846 с.
12. https://ru.wikipedia.org/wiki/Военно-полевой_суд (дата обращения: 27.10.2017).
13. Строгович М.С. Уголовный процесс. М., 1938. 247 с.
14. https://ru.wikipedia.org/wiki/Тройки_НКВД_СССР (дата обращения: 27.10.2017).
15. https://ru.wikipedia.org/wiki/Особое_совещание_при_НКВД_СССР (дата обращения: 27.10.2017).
16. <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3900#0> (дата обращения: 27.10.2017).

Baranov Alexander M. Omsk Academy of Ministry of internal Affairs of the Russian Federation (Omsk, Russian Federation), *Baranov Mikhail A.* Law College Business and law (Omsk, Russian Federation), *Lugovik Victor F.* Omsk Academy of Ministry of internal Affairs of the Russian Federation (Omsk, Russian Federation)

INFLUENCE OF THE THEORY AND PRACTICE ON CRIMINAL PROCEDURE LAW

Key words: theory, practice, criminal procedure law.

Do legal theories or practice of application exert a greater influence on the form and content of a law? When considering the development of domestic legislation (including criminal procedure), for the last three decades, we can have an impression that the answer lies on the surface - it is the theory.

One of inter - branch problems of modern law that appeared at the beginning of judicial reform after 1991, is the question of ways of collecting evidence in a pre-trial procedure, at a more private level, about the use of results of the operative search activity (OSA) in criminal procedure proof.

A theoretical concept about the impossibility to use the results of operative search activity as evidence was formulated during the Soviet period. The circumstance that the data received during opera-

tive search activity fail to meet the characteristic of admissibility formed the basis for such approach. The Code of Criminal Procedure in its Article 74 does not contain the direct instruction on such source of obtaining evidence as the (results) of operative search activity, and does not establish the order of their collecting.

When solving the problem of using the results of operative search activity (operative search events) in proof we should remember about the importance of the theory connected with the ways of collecting evidence to which the main means – investigative actions is referred. Some years ago the idea of enshrining standard regulation of non-public ways for collecting evidence into the Criminal Procedure Code and giving them the status of procedural actions was proposed as one of the ways for solving the problem of use of operative search activity results in proving.

Another way is also possible. Which one? To return to the doctrine that evidence is the result of court activity. The results of investigation by administrative bodies are not evidence. The results of actions of the investigator and inquiry officer can be admitted as evidence after their research and assessment by the court and if they were obtained in the course of a pre-trial procedure based on judgment. The Court will be the only subject the activity of which results in evidence. Legal regulation in the form of Item 3, Article 240 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is insufficient for the formation of such interpretation of the law of and legal regulation. It is necessary to maintain the Court in Part I, Article 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation etc. as the subject of proving.

References

1. Dolya, E.A. (1996) *Ispol'zovanie v dokazyvanii rezul'tatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti* [Using the results of operational-search activity in proving]. Moscow: [s.n.].
2. Shumilov, A.Yu. (1997) *Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya operativno-rozysknoy deyatel'nosti v Rossii* [Problems of legislative regulation of operative-search activity in Russia]. Moscow: I.I. Shumilova.
3. Polyakov, M.P. (2001) *Ugolovno-protsessual'naya interpretatsiya rezul'tatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti* [Criminally-remedial interpretation of the results of operational-search activity]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Law Academy.
4. Bulatov, B.B. & Baranov, A.M. (eds) (2017) *Ugolovnyy protsess* [Criminal trial]. 6th ed. Moscow: Yurayt.
5. Baranov, A.M. (2006) *Obespechenie zakonnosti v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam* [Providing legality in pre-trial proceedings in criminal cases]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
6. Baranov, A.M. (2012) [Law on the operational search activity yesterday, today, tomorrow]. *Aktual'nye voprosy zakonodatel'nogo regulirovaniya operativno-rozysknoy deyatel'nosti* [Topical Issues of Legislative Regulation of Operational-Search Activity]. Proc. of the All-Russian Conference. Omsk: Omsk Law Academy. pp. 144–151. (In Russian).
7. Barshev, Ya.I. (2001) *Osnovaniya ugolovnogo sudoproizvodstva s primeneniem k rossiyskomu ugolovnomu sudoproizvodstvu* [Grounds for criminal proceedings with application to Russian criminal proceedings]. Moscow: LeksEst.
8. Linovskiy, V.A. (2001) *Opyt istoricheskikh rozyskaniy o sledstvennom ugolovnom sudoproizvodstve v Rossii* [The experience of historical research on investigative criminal proceedings in Russia]. Moscow: LeksEst.
9. Spasovich, V.D. (2001) *O teorii sudebno-ugolovnykh dokazatel'stv v svyazi s sudoustroystvom i sudoproizvodstvom* [On the theory of forensic evidence in connection with the judiciary administration and judicial proceedings]. Moscow: LeksEst.
10. Chistyakov, O.I. (ed.) (1991) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t.* [Russian legislation of the 10th – 20th centuries: In 9 vols]. Vol. 8. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
11. Cheltsov-Bebutov, M.A. (1995) *Kurs ugolovno-protsessual'nogo prava: ocherki po istorii suda i ugolovnogo protsessa v rabovladel'cheskikh, feodal'nykh i burzhuaiznykh gosudarstvakh* [The course of criminal procedure law: Essays on the history of the court and the criminal process in the slave-owning, feudal and bourgeois states]. St. Petersburg: Ravenna, Al'fa.
12. Wikipedia.org. (n.d.) *Voенно-полево́й суд* [A drum-head court-martial]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Voенно-полево́й_суд. (Accessed: 27th October 2017).

13. Strogovich, M.S. (1938) *Ugolovnyy protsess* [Criminal process]. Moscow: NKY of the USSR.
14. Wikipedia.org. (n.d.) *Troyki NKVD SSSR* [The USSR NKVD Troikas]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Troyki_NKVD_SSSR. (Accessed: 27th October 2017).
15. Wikipedia.org. (n.d.) *Osoboe soveshchanie pri NKVD SSSR* [Special Council of the NKVD]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Osoboe_soveshchanie_pri_NKVD_SSSR. (Accessed: 27th October 2017).
16. The USSR. (1958) *Zakon SSSR ot 25.12.1958 "Ob utverzhdenii Osnov ugolovnogo sudoproizvodstva Soyuza SSR i soyuznykh respublik"* [Law of the USSR of 25.12.1958 "On the Approval of the Principles of Criminal Proceedings of the USSR and Union Republics"]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3900#0>. (Accessed: 27th October 2017).